Молодой богатый козак Шкандыбенко стоял над рекою и смотрел в воду. Река глубока и широка, вода синя и чиста и катится с сверканием и гулом. Под ногами у козака отражался свежий, низкий, зеленый пустой берег, где он стоял; в середине реки видно ясное небо с играющим, искрящимся солнцем, а около супротивного берега в воде опрокинулась деревня. Да, целая деревня, со всеми своими садами, огородами, улицами и хатами, колодезными шестами и с высокою церковью. Верно, от того, что деревня при реке близко, так все свежо, зелено и ярко, так все быстро и пышно растет и расцветает, цветет и зреет. Стоит только на три дня повздорить соседке с соседкой, уж дорожка от хаты до хаты и заросла, будто ее и не бывало; стоит только дать волю калине под окошком, так калина и в окошко заберется, да не одной веточкой, а так-таки, как обрадованная, ворвется десятью… Боже мой! Нигде не росла такая пышная калина, как там! Да нигде таких пышных пахучих розанов не цвело, ни такого шиповника. Тоже нигде не было такой бузины, ни такой сирени роскошной. Тоже нигде не виданы, думаю, такие разноцветные маки, чернобривцы, алые гвоздики, стокроть, любистки, лилеи, повняки, душистый горошек, пионы — да где ж то все перечесть! А что за кудрявые яблони! Что за раскидистые груши! Если липа, то тениста так, что в какой угодно зной под ней прохлада; если стоит явор, то так ветвист, что любо поглядеть; если береза, то уж такая веселая береза, что на нее усмехнешься; если тополь, что за вышина, что за листва, что за прямизна! О вербах и говорить нечего; вербы разрослись, раскинулись на удивленье; иные распустили ветки по самой земле и стлались, другие подняли ветки вверх и в вышину унеслись. Ни в одном саду сухого сучка не видать, ни в одном огороде вялой травки. Улица свежа и мягка, точно зеленый бархат. Даже на новых соломенных крышах ни с того, ни с сего, откуда ни возьмется, травка вдруг вырастает, и не по дням, а по часам начнет разрастаться-разрастаться, словно на своем настоящем месте, а что старые крыши, так те сплошь стоят зелены, на них не только травы растут, на них цветы цветут. Вон у козака Гайворона такой раз будяк алый в хате расцвел, что просто чудо! Да что говорить! На езжаной дороге разросся куст крыжовника не в свою голову, да еще и того ему

мало, еще топорщится во все стороны, еще места хочет. Что проезжающие возы колесами его мнут и давят, и ломают, это ему с полгоря; он с каждым годом, с каждым летом все большает, да большает.

Так эта деревня опрокидывалась с одного берега, а над другим берегом стоял молодой и богатый козак Шкандыбенко и глядел в воду. Но козак глядел в воду не на деревню — у него своя деревня хороша, стоит над той же рекою; и там у него хата славная, усадьба богатая; у него есть урожайные поля, есть чудесная степь, есть и лес зеленый; у него денег много и всякой роскоши с излишком; козак сам молодец и красен,— но, знать, всего этого козаку мало. Чего это опустил он так голову и глядит в воду, нахмуривши черные брови? Какие мысли его одолевают? Козак не подымает головы, не взглядывает, но из синей чистой воды смотрят его черные глаза, мрачные, грозные и печальные, и колыхается задумчивое, беспокойное, измученное лицо с крепко сжатыми устами.

Козак был гневен и печален, сердце козацкое было возмущено и растерзано. И все это от того, что козак любил девушку и думал о ней. Он думал о ней ежечасно, ежеминутно, с того времени, как приехал беспечно к товарищу в гости и увидел ее впервой на улице. Впервой дрогнуло сердце, и он спросил товарища, чья она. "Вдовина дочь, небогатая девушка,— тебе неровня,— ответил ему товарищ.— Зовут ее Лемеривна". Много еще товарищ после разных разностей рассказывал, и день тот угас своим чередом, но козаку уж все россказни проходили мимо ушей, и день только ясен был в памяти до той поры, пока девушка из глаз не скрылась. Воротился козак домой — вся жизнь его перевернулась, точно все мысли переменились. Ни к чему охоты нет, ничто прежнее радости не дает: девушка только на уме, она только сердцу болит. Бывалая гордость, старая надменность, где все это девалось! Молодой чванный богач дрожа поджидал, спрятавшись за вербою, когда выйдет бедная девушка по воду одна, а дождавшись, весь замирая, спросил: "Пойдешь ли ты за меня, Лемеривна?" — "Нет,— ответила ему Лемеривна,— я за тебя не пойду, козак!" Как уязвила и

удивила козака первая горькая неудача! Он кинулся прочь, дальше от девушки, от места, где она живет; он решил больше взгляда на нее не кинуть, мысли ей больше не дать. Да вышло так, что для нее только и взгляды его, о ней только и мысли его. Он и с товарищами гулял, он и на многолюдные ярмарки ездил, и по пустым полям и степям бродил, и на других девушек смотрел, и с хваленными красавицами знакомился,— но одному ли, с другими ли, в тиши ли, в шуме ли и многолюдстве — везде была одна девушка — одна эта стройная, бедная, спокойная девушка. Днем и ночью, в будни, в праздник он видел, как она проходила мимо, и в ушах у него звенели ее ответы,— ответы такие холодные и милые, спокойные и ясные, что резали ему сердце, как острым ножом, и сжимали, как железными тисками.

И вот козак в другой раз поджидает девушку, полон страха и томления, и в другой раз спрашивает: "Не пойдешь ли за меня? Без тебя мне жизнь не в жизнь!"

И в другой раз девушка ему отказала.

И пуще еще невмоготу стало козаку — он в третий раз спросил ее, и молил, и умилостивлял, и все обиды прежние, отказы прежние почитал уже благом, и только думал, какими услугами, какою покорностью угодить, как склонить, чем ублажить и умилостивить — тени не осталось прежнего козака молодца: удаль вся и молодечество пропали. Отягощенный печалью и думами, это теперь какой-то невольник покорный. Да! теперь уж для него нет обид, у него нет возмущенья против господства. В третий раз девушка сказала ему: "Я не пойду за тебя, козак!" Если бы она взяла и задушила его своими белыми руками, ему бы легче было, чем после того жить на свете. Что за жизнь, когда нет ни сна, ни покоя, когда сердце кипит и тело болит? Ходил козак несчастный, сам не свой. Девушка была ему милей души и горче беды.

Раз случился пир в деревне, свадьба была, и пришел на эту свадьбу Шкандыбенко. Не веселиться пришел он на свадьбу, а поглядеть на Лемеривну.

Лемеривна сидела между другими девушками и вместе с ними пела свадебные песни звучным и свежим голосом, сама свежа и спокойна; и уста улыбались, и лицо разрумянилось, и хорошие очи ясно глядели на всех. А у козака в очах то темнело, то светлело, сердце то замирало, то оживало. Среди веселых гостей, среди шума и пенья он стоял, богач и молодец, словно беспомощный, бесприютный сирота, молча у стенки, не сводя взгляда с своей чаровницы.

Все это заметила Лемеривнина мать.

У Лемеривны мать была жадная старуха. Она только о том и думала, и сокрушалась, как бы да как бы разжиться да разбогатеть; и во сне, и наяву ей все мерещилось золото да серебро. Алчные, жесткие ее глаза впивались во все кругом пронзительно и быстро, словно жаждали и искали себе всюду добычи; сухие руки дрожали, словно торопились схватить и заграбить, и боялись упустить; лицо пожелтело желтей самого золота, а губы казались мертвенней серебра. Заботная, недовольная, тревожная, завистливая была ее жизнь. Никогда душа ее сыта не бывала. Сокровищ, сокровищ алкалось ей денно и нощно. Тесна ей тихая хата за тенистыми липами, горек скромный достаток и единственная дорогая дочь не в утеху. Годы проходили, старость все пуще пришибала, ничтожное сокровище скудно копилось и медленно, по крошке… И вдруг алчные, беспокойные взгляды упали на молодого козака, и в миг она все поняла и угадала. Незаметно очутилась она возле него, заговорила с ним хитро, приласкала; не сделавши прямо вопроса, выведала от отверженного юноши все, что ей надо знать было; не говоря ничего, она его утешила и обнадежила так сильно, что он ободрился и повеселел, и, бог весть откуда и как, явилась у него новая мысль, что не совсем еще беда, если девушка три раза отказала, и, святый знает, как и откуда, явилось у него новое намеренье, уж не спросившись девушки, послать сватов к ее матери, и, как и откуда, явилась надежда, что мать примет и все уладит. Быстрей забилось у козака сердце; громче вдруг раздались кругом пенье и говор; веселей и живей пир зашумел. Лемеривна не взглянула на него приветливей, лишнего слова не промолвила, но он со свадьбы воротился домой,

охваченный новыми надеждами, намереньями, замыслами, нетерпеньем…

— Давно тебя любит Шкандыбенко? — спросила старая Лемериха у дочери, как только они вышли со свадебного пира и отделились от прочих гостей.— Давно?

— С тех пор, как мы знакомы,— отвечала Лемеривна.

— Он за тебя посватается! — проговорила старуха.— Он посватается!

— Я не пойду за него, мама,— сказала Лемеривна.

— Не пойдешь! — вскрикнула старуха и засмеялась.— Не пойдешь! — повторила она еще и опять засмеялась.

Это повторение одного слова, этот смех звучали так, словно ее потешало безвредное детское безумье, не могущее стать помехою ни в чем. Она погрузилась в мысли и так быстро шла, что дочь только поспевала за ней следом. Скоро они домой пришли. Вошедши в хату, старуха точно очнулась и опять спросила дочь:

— Так он давно тебя любит?

— Я не пойду за него, мама! — проговорила дочь.

— Безумная! — со смехом ответила старуха.

— Я не пойду, мама,— говорила девушка.— Я его не люблю!.

— Безумная! — вскрикнула старуха.— Что говоришь мне? Да я связанную тебя за него отдам! О, я прокляла бы тебя, если бы… Ты

знаешь ли, какие его богатства? У него одного поля… а степь… что лесу!. Его усадьба… его казна… казна большая!

— Мне не надо ничего! — сказала дочь.

— Я помню еще его отца покойника,— продолжала старуха, предаваясь своим воспоминаниям,— как он вдруг разбогател, будто клад нашел. Счастье ему во всем было страшное! Я помню, будто теперь гляжу, как он раз привез домой целые пригоршни червонцев — как гляжу, помню! Что за коралловое ожерелье было у его матери! Что за дукачи — как жар, горели на шее! И с каждым годом все богатели они, все богатели! Много сыну оставили, много!

Старуха умолкла, словно поглотили ее заманчивые думы, словно увлекли пленяющие образы. Очень поздно уснула она неспокойным, горячечным сном; несвязные слова у ней вырывались, то вздох тяжелый, то смех.

Всю ночь просидела Лемеривна у окошка. Ночь была месячная и тихая — тихо и ясно освещалось молодое задумчивое лицо.

Козак Шкандыбенко не спал, не ел и не пил, пока не послал сватов к Лемеривне. Сваты были приняты хлебом-солью, и была обещана Лемеривна Шкандыбенку, Но сваты воротились оттуда не такие, как туда пошли,— сваты воротились призадумавшись, без веселья, без шуток и без прибауток, все поглядывали исподлобья да покашливали, словно им что-то попало в горло, чем бы следовало Шкандыбенку озаботиться да спросить. Да радостен был Шкандыбенко и ни о чем не спрашивал, как увидел обменный хлеб у них в руках.

Выходя, старший сват сказал на прощанье:

— Смотри, Шкандыбенко, не своею волею идет за тебя Лемеривна, а хотят отдать ее силою. Смотри, Шкандыбенко, чтобы не накликал ты себе беды да лиха в хату!

— Правда, правда,— добавил другой сват,— невеста слова не промолвила, не глянула; такая стояла, что краше в гроб кладут!

Ухватило больно за сердце Шкандыбенка, когда он все это услышал. Он ничего не ответил и, проводивши сватов, долго стоял на пороге, как самый бесталанный человек, что только успел выйти на простор, едва дух перевел, как лицом к лицу встретился с знакомым горем и опасностью. "Да я все-таки возьму ее за себя!" — промолвил он вдруг, и глаза у него опять заблестели, и даже он усмехнулся.

Начал Шкандыбенко готовиться к свадьбе, купил себе хутор, словно пан, особо от других людей; много денег рассыпал на всякие уборы и приборы; возил невесте дорогие подарки.

Невестина мать его принимала, ждала, ласкала, ублажала, а невеста… Хоть бы одно слово, кроме того, что "я не люблю тебя, козак, — оставь меня, я тебя не люблю!" Ни материнская просьба, ни грозьба, ни его мученья, ни угодливость, ни покорность, ни страсть,— ничто-ничто, ничто ее не трогало!

Оттого стоял козак над рекою и глядел в воду, что он все ночи не спал от тоски, а каждое утро ехал к ней и все-таки думал: "Сегодня! Сегодня! Что-то сегодня?" И сердце у него, растерзанное, разгневанное сердце, замирало снова и разнеживалось. Так поехал он и в то утро, спешил, надеялся… Приехал. Встретила его с приветом старая Лемериха, и назвала сыном, и расспрашивала о хозяйстве, и толковала ему о будущем житье-бытье.

Ничего у него не спросила, ни о чем не сказала ему, ни разу не взглянула на него молодая Лемеривна. Он долго сидел, слушая

старухины речи и не слыша их,— он все чего-то ждал да надеялся и смотрел на любимое лицо,— такое неприветное для него лицо! Старуха в беспокойстве все вела свои льстивые речи, беспокойными взглядами выпытывала, не обижается ли богатый жених дочернею холодностью; украдкой, с угрозой и гневом, бросала взгляды на дочь.

— Не наглядимся мы на твой подарок,— сказала старуха козаку.— И где это ты выискал такую чудесную парчу, мой родной? Где ты покупал парчу?

Козак вспомнил, что он привез с собой другой подарок, и подал его — это было дорогое монисто. Старуха схватила, вскрикнула, благодарила. Не дотронулась молодая Лемеривна и, сложа руки, сидела бледная и холодная,— только вздрогнула, когда мать стала примеривать новый подарок, точно прикоснулись к белой шее ледяные змеи.

И козак вздрогнул, словно меткая стрела впилась ему в сердце.

— Не нравится мой подарок, девушка? — спросил он и горько усмехнулся, и глядел — ждал ответа.

— Мне ничего не надо,— ответила девушка.

— Не слушай ее,— вскрикнула старуха в тревоге,— не слушай, мой сокол! Она не смыслит ничего...

Хотел козак что-то говорить, да дух у него заняло, в голове помутилось, забилось сердце до разрыву — он ушел. И шел, сам не зная куда, пока не очутился над рекою. На него пахнуло свежестью от сверкающих волн, и он остановился бессознательно.

И долго стоял тут козак, глядя в воду, и думал, и крушился, и все любил! И гневался, и тосковал, и все любил! И оскорблялся, и жалел, и

все любил! Сильней гнева, тоски, оскорбленья была любовь! Наперекор всему страстная нежность одолевала его,— так что же мудреного, что он, решившись разорвать мучительные отношения, передумавши, перестрадавши, набрался силы и решимости и... и воротился к ней. И ворочаясь, спешил, как на праздник, и когда, подошедши к хате, услыхал ее голос, невыразимо сладко ему было его слышать. Он стал и слушал, точно очарованный. Он слушал не для того, чтобы узнать, о чем речь,— он просто желал голос ее слышать. Редко слыхал он этот голос любимый. Он боялся, чтобы, увидавши его, не замолкла она, и прятался. Вечер был темный — только звезды мерцали на прозрачном небе, и такой теплый, тихий вечер, что даже деревья кругом хаты не шелестели и не мешали ему слушать своим шелестом.

Пока не укротилось биенье его сердца, он ясно ничего не мог ни разобрать, ни понять, а там понемногу и разобрал, и понял. Явственно дребезжали в ушах у него все укоры и угрозы матери за суровость к нему, жениху, за непослушанье, и как до души доходили ответы тихие и неизменные: "Я не люблю его; я не хочу идти за него!" Ох, хоть бы что-нибудь иное сказала она! Хоть бы что-нибудь вымолвила, пожалуй, такое ж нелюбовное, пожалуй, хуже, да иначе! Эти слова и без того день и ночь перед ним, как живые, носятся и жгут, как огонь, и холодят, как лед!

Мать все сердитей становилась; пугает дочь проклятьем; грозит, что отдаст ее силою, перевенчает неволею.

— Вы меня перевенчаете неволею, да душа моя и сердце вольны будут,— промолвила Лемеривна и стала просить: — Не отдавайте меня силою! Не губите меня и его!

Так она просила, что весь задрожал козак и думал, что нельзя не послушать такой просьбы. Но мать не послушалась и осыпала новыми укорами и угрозами непокорную дочь. Козак вошел в хату, и старуха умолкла,

— Что так ушел? Где был, мой голубчик? — спросила она козака.— А мы тебя ждали. Садись, мой сокол, садись, мой желанный!

— Когда же мы будем свадьбу играть? — промолвил козак.

— Да как положили, так и сыграем,— ответила старуха торопливо.— Как положили, так и будет, мой коханый!

— Не слишком ли долгий срок мы положили? Не долго ли чересчур дожидать? — промолвил козак.

— Можно и поспешить, родной мой! — ответила угодливая старуха. — У нас все готово,— можно поспешить!

— Поспешите, будьте ласковы! — промолвил козак.

— Хорошо, хорошо, мой голубчик,— поспешим,— отвечала старуха и сейчас же начала рассчитывать и высчитывать дни и время, расходы и угощенья.

В хате все темнело да темнело; в открытые окошечки врывался запах пышно цветущих цветов в огороде, сильный и смешанный: и свежее благоуханье роз и сирени, и резкий запах любистка и черемухи, и бессчетно других ароматов слабей и слабей, и в одиночку почти не слышных. И едва можно было отличить при мерцанье звезд цвет свежей розы от золотистого чернобривца и цвет алого мака от цвета розового пиона, и едва мог отличить Шкандыбенко белые сложенные руки от широких белых рукавов и бледное любимое лицо от шелковых, гладких, пышных волос. Не сказала ни слова молодая Лемеривна, пока козак говорил с матерью, не шелохнулась, не ворохнулась. И при прощанье только, когда козак промолвил ей: "Добрая ночь!" — она встала, поклонилась и вымолвила: "Добрая ночь!" — ему в ответ.

Простился козак, поехал домой на хутор.

Добрая ночь! Ах, нет для него добрых ночей давно, давно!

С тех пор, как он ее узнал, нет для него добрых ночей! И будут ли когда! Будут ли?

С свадьбой поспешили, и свадьба назначена через неделю. И все ждут. Старая Лемериха и радуется, и тревожится; у ней в ушах и резкий, веселый звук золота, и тихие дочернины просьбы; сердце играет от жадной радости и сжимается от близкой разлуки с дочерью. Она с нею сурова и немилостива, скрепя сердце, и ждет не дождется, когда все покончится и будут они богаты,— богаты и благополучны. И хлопочет старуха, и суетится, и прибирается, приготовляется к свадьбе, и гостей сзывает.

Ждет, ждет жених назначенного дня, воскресенья. Он так торопил слуг своих, что слуги его сидят теперь сложа руки — нет уж никакого дела — и ведут речь об его будущем житье-бытье между собой. В хуторе все готово. Домик белеет ярко между зелеными тополями и блестят светлые окошки. На муравчатом дворе дорога гладка и чисто прометена — катись к решетчатому низенькому крылечку с навесом. Сад кругом весь в плодах, цветы в саду все в цветах. На полях, что видны далеко и широко вдаль, наливается и спеет рожь, золотится пшеница. Степь зеленеет травою и пестреет цветом. Лес шумит, развившись всеми своими листьями Вдали-вдали полоса синей воды сверкает. И все дышит, кажись, каким-то страшным нетерпеньем: и сверкающая вода, и шумящий лес, и волнующиеся поля, и разбегающаяся степь, и прибранный двор, и сад, и зреющие в саду плоды, и расцветшие цветы, и готовый домик с светлыми окошечками,— все, все, все... А пуще всего молодой козак: нетерпенье обвило его, как пламя, и, как пламя, его жжет. Несносно, невыносимо ему ждать.

Все готово. И оттого, что все готово, кажется ждать еще несносней, еще невыносимей. Ночью и днем он ходит и бродит, кидается туда и сюда, там и сям останавливается, быстро спешит в одну сторону и еще быстрей ворочается в другую.

И молодая Лемеривна ждет. Она ни за что не принимается, ни до чего не дотрагивается; она ни о чем не заботится и не хлопочет, ничего не говорит и не спрашивает,— сидит, сложены белые руки, ни на какие сборы и приготовленья не глядят хорошие глаза; сомкнуты свежие уста и безмолвны, но она ждет. Рано-рано, до восхода солнечного, она уже сидит под окошком и встречает солнечный восход,— встречает без слов и без слез, только лицо иногда вспыхнет алою легкою краскою и глаза засияют,— но это не часто и не надолго, скоро пропадает сиянье в глазах и лицо опять белеет. Поздно, поздно вечером она сидит под тем же окошечком; тогда не видать ее лица в вечерней мгле, а если и месяц выглянет и осветит, кажется, будто белей да белей оно, но все то же спокойное, тихое лицо.

И дождались все субботы. Приехал жених к невесте и застал полну хату разряженных девушек в ярких лентах, в свежих цветах. И сама она сидела разряженная, и в свежих цветах. Она не ворохнулась, не шевельнулась, когда он вошел, и пристально, пристально на него посмотрела. Что сказали ему эти хорошие и спокойные глаза?

Он был сам не свой, в какой-то дразнящей радости и в каком-то подавляющем ужасе,— словно он захватил счастье, которое никогда никто не может у него отнять и за которое он все-таки трепещет, и боится, и замирает.

Он ничего ясно не видал и не слыхал в этот день.

Пенье и величанье девушек, говор гостей, музыка, заходящее тихо и ясно солнце, она с ним вместе, посаженная рядом, и запах свежих цветов, и блеск ее шелковистых кос, дорога домой и частые, рассыпчатые звезды, и светящий месяц — все перемешалось, перепуталось, сплелось и слилось. И все одно он только чувствовал: дразнящую, обхватывающую радость и подавляющий, непроходящий ужас. На другой день с шумом, с говором, с пожеланьями всяких благ их повезли в церковь и перевенчали.

Во сне или наяву молодой козак? Наяву! Он везет к себе молодую жену свою, их провожает богатый поезд, их встречают дома гости и слуги,— все поздравляют, желают и сулят долгие лета и счастливую долю. Теперь полон радостью беленький домик с светлыми окошечками… полон радостью, да, но что-то и страшно в нем, и жутко.

Вот все гости разъехались, весь шум утих, и молодые остались одни.

— Сердце мое! Душа моя! Мое горе! Мое счастье! Что мне делать! Скажи мне, как полюбиться тебе! — говорил козак своей молодой жене, охваченный все той же радостью и тем же ужасом.

— Мне ничего от тебя не надо! — отвечала ему молодая жена.— Я не люблю тебя.

— Ах, полюби, полюби меня!

— Я не люблю тебя!

Как раненый, выбежал он из светлицы, как обезумевший, и бросился в темноту куда глаза глядят.

Осталась Лемеривна одна в светлице. Оглянулась она кругом,— вечер тихий и роскошный,— светились белые стены в светлице. Лемеривна долго стояла, думала и прислушивалась. Вдруг подняла она вверх белые руки, будто пробуя, не связаны ли они, и, легче птички всякой, быстрей стрелы, выпорхнула из светлицы, вылетела из дому и побежала. Она бежала, бежала, не чуя под собой земли, не зная и не разбирая, куда и зачем, лишь бы дальше, дальше и дальше.

Смутно мелькнула перед ее глазами росистая степь, тихие поля, темный лес, когда она их перебегала и чутко ловила каждый звук и веянье в тишине. Куда она бежала? Она не знала куда, но знала, что убегала, вырывалась из плену. Что дальше будет? Она не рассчитывала,

но чуяла, что хуже всего неволя. Дальше, дальше, дальше из этого плену! Скорей, скорей из неволи!

Вдруг она слышит вдали за собою голос, и крик, и конский топот — слышит все ближе, все явственней. Выбежала она на какую-то узкую дорогу между колючими терновниками и побежала по ней. Ярко светил месяц, глубоко и больно впивались острые иглы в белые ноги, и крепко цепляли сучья за длинные шелковые волосы и рвали их. Она все бежала, все не останавливалась, а за ней топот конский все ближе и слышней, и быстро, быстро близится и явственней, резче, отчетливей отдается. Уж тень от мчащегося коня и всадника падает перед ее глазами, и знакомый, немилый голос с горьким смехом кричит — спрашивает:

— Зачем ты, Лемеривна, пешком бежишь,— или у меня нет для тебя резвых коней?

И не оглядываясь, не останавливаясь, отвечает Лемеривна:

— Хоть есть у тебя всякие богатства, они твои и мне не надобны,— ты мне не по мысли, ты мне не по сердцу сам!

— Остановись, Лемеривна, остановись! — кричит козак и видит, что Лемеривна падает без сил и почти без дыханья на дороге. Вмиг соскочил он с коня, и был около нее, и не знал, что ей сказать, и не ведал, что ему делать.

— Дай мне нож, который у тебя за поясом! — говорит ему Лемеривна, протягивая руку к нему.— Дай мне нож,— я повынимаю из ног острые иглы!

Козак подал ей нож поспешно. Впервой протянулась к нему эта белая рука, и вся его душа от вида этой протянутой к нему руки содрогнулась и замерла.

Вдруг он страшно вскрикнул: попала ножом Лемеривна себе в самое сердце. Козак схватил ее за руку, вырвал нож — горячая кровь хлынула на него.

— Пусть лучше кипит мое сердце на ноже, нежели у тебя, нелюбимого, в дворе,— промолвила Лемеривна.

Козак с отнятым ножом в руках склонился над нею, как пораженный и потерянный, не сводя глаз, не говоря слова.

— Вот теперь, Шкандыбенко, я твоя! Бери меня, мое сердце, да веди домой! — промолвила Лемеривна.

С этими словами закрылись глаза, сомкнулись уста и жизнь отлетела. Взял ее козак на руки, сел на коня и поехал с нею, обнявши ее, глядя то в ее лицо мертвое, то кругом на низкие терновники, освещенные месяцем, на длинную дорогу, вьющуюся впереди, то унимая льющуюся кровь из ее груди, то поправляя мягкие рассыпавшиеся волосы. Тихо он ехал и поздно ночью приехал к старой Лемерихе, миновавши свой хутор. Он подъехал к Лемерихиной хате и стал ее вызывать. Перепугалась Лемериха до смерти, услыхавши его голос, и, выбежавши на порог, закричала:

— Где моя дочь?

Тогда увидала она, при месячном свете, на руках у козака, дочь мертвую и облитую кровью. Козак подал ей безжизненное тело и сам отъехал. Еще громче вскрикнула Лемериха, схватила дочь на руки, прижала ее к себе и вместе с ней упала у хатнего порога, под липою, и больше уж не поднялась, никогда больше очей не открыла на свет божий. Вместе похоронили мать с дочерью за селом, при дороге.

А козак Шкандыбенко как отъехал, так и не вернулся. Никто его больше не встречал, не видал, никто о нем больше ничего не слыхал.